

# ТРИ «МИЛЫХ ЛЖЕЦА»

Некоторые пьесы — словно зеркала. Многие актеры мечтают в них посмотретьсь. Считают за счастье получить роль в такой пьесе, ждут ее, надеются. И верят целую вечность, что такая встреча состоится. Пьеса «Милый лжец», поставленная на сцене парижского театра «Атене» с Жаном Маре и Эдвиж Фейер в главных ролях, относится к такому виду произведений.

ПЕТ двадцать назад Джером Килти, вооружившись ножницами и клеем, сделал монтаж, превратив в пьесу корреспонденции, которой обменялись более сорока лет Бернард Шоу и миссис Патрик Кэмпбелл, актриса. Они писали друг другу письма, которые выглядят непринужденными. Но в сущности каждое слово в них точно подобрано и стоит четко на своем месте. Словно корреспонденты поставили задачу позировать не только друг перед другом, но и перед потомками. Письма написаны с совершенной элегантностью, юмором, легкой ноткой цинизма, с большой свободой и великим удовольствием.

Бернард Шоу влюбился в миссис Кэмпбелл через тридцать секунд после их первой встречи. Он был известный автор, она — знаменитая актриса. Но у обоих была семья. У нее был сын, который погибнет в 1914 году. В свои фэрк девять лет она играла роли двадцатилетних героинь, триумф ее пришелся на то время, когда были более смехотворительны к разнице в возрасте актрисы и действующего лица.

Он оставлял свои пьесы, она защищала свои роли. Оба играли образы как в жизни, так и на сцене. Он строил из себя иногда клоуна перед ней. Она

иногда превращалась в лгунью. Так, например, она вышла замуж второй раз, не сообщив ничего ему — своему другу.

Затем они состарились. У него стала спадать волна бурного успеха. У нее становилось все меньше ангажементов в Лондоне, Нью-Йорке или Голливуде. Возникли финансовые проблемы. Он хотел ей помочь, но она отказалась. Она хотела опубликовать его письма к ней — он возмутился. Ему уже восемьдесят лет, он живет в Париже и не пытается вернуться в Англию.

Шоу и Кэмпбелл немного любили, но зато очень уважали друг друга, чтобы вести эту переписку в продолжение почти полувека.

Сегодня письма эти звучат для тысяч зрителей. Это немного странная пьеса. Партнеры ведут диалог на сцене, прямо перед зрителями, в то время как их разделяют тысячи километров. Он, например, находится в Лондоне, а она — в Нью-Йорке. Но язык их такой конкретный и живой, что просто не ощущаешь разницу между письмом и разговором.

Для этой пьесы достаточно смокинга — для него, вечернего

платья — для нее. И легкие занавесы. Оба актера старятся вместе, помогают друг другу, поддерживают, отвечают, подхватывают реплики. Это настоящий рай для артистов, каждый чувствует свою силу, каждый ощущает себя ведущим игры.

Парижская публика видела эту пьесу и в других исполнениях. В 1960 году Пьер Брассер в роли Шоу был, словно лев в клетке. А Мария Казарес была величественна, как леди Макбет в викторианском салоне. Они произносили с такой легкостью и с такой уверенностью светские фразы, что превращали игру во что-то вроде королевской охоты.

Четырнадцать лет спустя теми же светскими и колкими любезностями обменивались Поль Мерисс и Николь Курсель. Мерисс показал Шоу в плену парадоксов, который с приятным сарказмом может поддержать разговор в компании. А Николь Курсель подала миссис Кэмпбелл тонкой, ироничной, чувствительной дамой, но одновременно и ранимой, какую бы уверенность она в себе ни ощущала.

Но исполнение Жана Маре и Эдвиж Фейер лучшее, что было до сих пор. Оба «поддерживают» пьесу своим темпераментом.

«ЭКСПРЕСС».

«ПЕЧАТНИЦА СМЕРТИ»

29 АВГ 1984